

ГАЛИНА И. КУСТОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

e-mail: galinak03@gmail.com

ORCID 0000-0001-9404-081X

ЭКСПРЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ВАЛЕНТНОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ¹

EXPRESSIVE CONSTRUCTIONS AND VALENCIES OF ESTIMATED NOUNS

ABSTRACT: Two types of expressive (exclamative) constructions are considered: (a) propositional constructions: *Ты не представляешь, как я испугался!*; 'You have no idea how scared I am!'; (b) evaluative constructions: *Ужас как я испугался!*. 'How frightened I was!'. Both constructions include an exclamative (expressive) clause (*Ужас как я испугался!* 'How frightened I was!') and a frame component: (a) *Ты не представляешь* 'Ты не представляешь / Ты не знаешь' 'you do not know' and others, (b) *ужас* 'horror', *беда* 'trouble', *прелесть* 'lovely', *чудо* 'miracle', *не могу* 'I can't', *сил нет* 'I have no strength' and others. In construction (a), the mental verb has a syntactic propositional valency, which is filled with a subordinate clause. In construction (b), a similar clause is not subordinate, the frame component (*ужас* 'horror', *беда* 'trouble', *прелесть* 'lovely', *чудо* 'miracle') has no syntactic propositional valency. Arguments: evaluative words subordinate clauses with conjunctions, but not with relative pronouns: *Ужас в том, что он плохо учится* 'The horror is that he studies poorly' vs. **Ужас в том, как он плохо учится* 'The horror is how poorly he studies'; other framework components of the evaluative construction (*не могу* 'I cannot', cf.: *Есть кашу – не мог* 'I want to eat – I can't'; *сил нет* 'I have no strength'; interjections *Ах*, *Ух*) do not have propositional valency in the form of a subordinate clause at all. The construction (b) was formed as a result of moving evaluative component from postposition to preposition: *Как я испугался Ужас!* → *Ужас как я испугался*. 'How

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 17-29-09154 офи_м «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов».

Языковые примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), <https://ruscorpora.ru/>

frightened I was!'. The final phase of the evolution of frame components in expressive constructions is interjection.

KEYWORDS: valency, construction, exclamative (expressive) clauses

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: валентность, конструкция, восклицательные (экспрессивные) клаузы

SŁOWA KLUCZOWE: walencja, konstrukcja, klauzule wykrzyknikowe eksklamatywne

1. Экспрессивы и экспрессивные конструкции

Существуют глобальные процессы, в которые вовлечены большие группы языковых единиц и конструкций. В ходе этих процессов единицы теряют свой исходный самостоятельный статус и однозначность и приобретают служебный характер. Один из таких процессов – грамматикализация, которая охватывает разные фрагменты языковой системы и разные группы единиц и отдельных форм. В рамках глобального процесса грамматикализации можно выделить, например, такие частные процессы: превращение ментальных глаголов и других слов с модальным значением в парентезы (вводные слова и конструкции), которые близки к модальным показателям; образование союзов и предлогов из знаменательных слов; образование местоимений и местоименных комплексов – квазирелятивов, – которые находятся на разных ступенях грамматикализации (*где-нибудь; где угодно; где попало; где хочешь; где придется*); образование дискурсивных и иллокутивных показателей (*Да брось; Да ладно; Хватит!*).

В данной статье речь пойдет об одном из таких языковых процессов – о превращении однозначной лексики в экспрессивы (этот процесс можно назвать редукцией или даже деградацией), а также о грамматических свойствах таких слов, прежде всего – об их валентностях, – в составе экспрессивных конструкций. Экспрессивы, или, иначе – восклицательные, – это условное название для языковых единиц, которые выражают эмоциональную реакцию говорящего на некоторую ситуацию Р, ср. слова типа *Ужас!* или *Красота!* Экспрессивы в своей семантике синкретично сочетают эмоцию, оценку и высокую степень, т.е. *Ужас!* – это не просто ‘плохо’, а ‘очень плохо’, а *Красота!* – ‘очень хорошо’. В некоторых контекстах экспрессивы могут утрачивать оценочное значение и выражать просто значение высокой степени: – *Сильный дождь?* – *Ужас!*.

Экспрессивы могут формировать самостоятельное восклицательное высказывание (как в случае *Ужас!*), а могут употребляться в составе

восклицательных (экскламативных), или экспрессивных, конструкций (эти термины будут использоваться нами как синонимы). В лингвистике существует большая дискуссия по поводу грамматического статуса и иллокутивной квалификации экскламативных предложений, ср., например, (Moutaouakil 2005), (Portner, Zanuttini 2003), (Rett 2011), однако мы оставляем ее в стороне. В данной статье будут рассматриваться экспрессивные конструкции со значением высокой степени.

Мы рассмотрим два вида восклицательных конструкций, которые мы условно назовем пропозициональными и оценочными. Пропозициональные конструкции представлены примерами типа (а) *Ты не представляешь, как я испугался!*; оценочные – примерами типа (б) *Ужас как я испугался!*. Конструкции (а) интересуют нас не сами по себе, а лишь как фон для рассмотрения (б).

С семантической точки зрения эти конструкции синонимичны и выражают смысл ‘очень Р’ (в наших примерах – ‘Я очень испугался’). Со структурной точки зрения между ними есть как сходство, так и различие. Конструкции состоят из двух структурных элементов, которые мы назовем восклицательной клаузой и рамочным компонентом. Восклицательная клауза в приведенных примерах включает восклицательное местоимение со значением высокой степени – *как* (*Ужас как я испугался!*), *какой* (*Ужас какой грохот*), *сколько* или *насколько* (*Ты не представляешь, сколько мы пережили / насколько я устал*). В русской грамматической традиции эти местоимения называются вопросительно-относительными, но в восклицательных клаузах они выполняют функцию восклицательных.

Рамочные компоненты в восклицательных конструкциях разные: в (а) это слова с пропозициональной валентностью типа *представляешь*, которые мы кратко рассмотрим в разделе 2, в (б) – оценочные существительные типа *ужас*, но также некоторые глаголы, глагольные фраземы и наречия, семантические и синтаксические свойства которых мы обсудим в разделе 3.

Основное содержание конструкций (а) и (б) выражается восклицательной клаузой, которая уже содержит смысл ‘очень’ и может функционировать как самостоятельное экскламативное простое предложение. Однако в конструкциях (а) и (б) эта клауза соединяется с рамочным компонентом. Семантически рамочные компоненты дублируют и тем самым усиливают смысл ‘очень’. Однако синтаксический статус восклицательной клаузы в конструкциях (а) и (б) различается, т.к. различаются свойства рамочных компонентов, которые мы, как и конструкции, будем называть пропозициональными и оценочными соответственно.

Далее мы сравним экспрессивные высказывания с пропозициональными и оценочными словами и рассмотрим вопрос: каков статус

эксclamативной клаузы в конструкциях (б) *Ужас как я испугался* и есть ли у оценочных существительных и других рамочных компонентов в конструкциях (б) синтаксическая пропозициональная валентность, аналогичная валентности пропозициональных слов в конструкциях (а) *Ты не представляешь, как я испугался!*, т.е. способность синтаксически подчинять клаузу.

2. Конструкции с пропозициональными словами

Существует несколько традиционно выделяемых классов предикатов с пропозициональной валентностью, которая синтаксически выражается подчиненной клаузой, – ментальные предикаты (пропозициональные установки): *Я знаю / думаю / уверен / боюсь / надеюсь, что он вернется;*

– речевые: *Он сообщил / утверждает / обещает, что вернется;*

– эмоции: *Он рад / обрадовался / удивлен / удивился, что я вернулся;*

– оценки: *Хорошо (прекрасно, здорово) / плохо (ужасно, печально), что он вернулся.* Есть и другие группы, но для наших целей можно ограничиться этими.

Первые две группы подчиняют как союзные клаузы, т.е. вводимые союзом (см. примеры выше), так и относительные, т.е. вводимые относительным местоимением. Среди относительных принято различать косвенный вопрос: *Не знаю / не помню / забыл, где лежат ключи* и косвенное восклицание, которое может обозначать оценку, совмещенную со степенью: *Все знают, как она поет!* = ‘насколько / до какой степени хорошо она поет’, или просто степень: *Ты же знаешь, как я устал!* = ‘очень устал’.

Эмоциональные и оценочные предикаты, как это ни парадоксально, не способны присоединять восклицательные клаузы (равно как и вопросительные): **Я рад, как ты выступил!; *Он огорчился, сколько мы потратили* (об оценочных предикатах см. ниже). При этом предложения с союзными клаузами, конечно, могут быть восклицательными по интонации: *Я рад, что вы приехали!; Хорошо, что вы приехали!*; могут включать показатели высокой степени в главную клаузу: *Я так рад / Как я рад, что вы приехали!*.

Промежуточное положение между этими группами занимают глаголы *удивляться / удивиться, восхищаться / восхититься, изумляться / изумиться, поражаться / поразиться*. Это своего рода ментальные эмоции, которые, в отличие от обычных эмоций и оценок, могут присоединять как союзные клаузы, так и относительно-восклицательные: *Мы поразились, сколько он сделал!; Все удивлялись, как он похудел* (менее характерны, но тоже возможны косвенно-вопросительные клаузы: *Удивляюсь, как ему это удалось*). Данную подгруппу мы рассматривать не будем, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону от основной линии исследования. Заметим

только, что однокоренные наречия *удивительно, поразительно, изумительно* имеют другие свойства и входят в группу (б) – оценок (см. ниже).

В зоне пропозициональных конструкций есть два больших кластера, дающих экспрессивные высказывания. Значения конструкций в этих кластерах условно можно сформулировать как «представление» («воображение»), точнее ‘степень Р невозможно представить’ (*Ты не представляешь, как я огорчился*), и «выражение», точнее ‘степень Р невозможно выразить’ (*Не могу передать, как я огорчился*). Лексика первого кластера – это ментальные глаголы пропозициональной установки, выражающие отношение пропозиции Р к реальности: *Думаю, что Р; Знаю, что Р*. У таких слов пропозициональная валентность ингерентная («врожденная») – они и нужны для того, чтобы вводить пропозицию, это «приставка», рамка для пропозиции. Лексика второго кластера – глаголы речи, т.е. слова, тоже имеющие пропозициональную валентность в силу своей семантики.

В кластере «представление (воображение)» основной глагол – *представлять / представить*, кроме того – глаголы *подумать, вообразить / воображать, знать, понимать*.

В принципе, восклицательная клауза может присоединяться и к предикату 1-го лица:

Представляю / могу себе представить, как он испугался; Я воображаю, какая там скука! [И.А. Гончаров. *Обыкновенная история* (1847)]; Я знаю / понимаю, как это тяжело.

В конструкции 1-го лица глаголы *воображаю, представляю* включаются, чтобы показать, что говорящий не наблюдает ситуацию Р непосредственно; при непосредственном наблюдении использовались бы другие конструкции: *Надо же, какая тут скука*; или отрицание: *Я и не знал, какая тут скука!*

Конструкции 1-го лица – это уже экспрессивные конструкции, так как здесь есть значение высокой степени: ситуация Р в восклицательной клаузе не нейтральная, маркированная, в чем-то необычная, неожиданная, привлекающая внимание – и тем самым вызывающая эмоциональную реакцию. Однако ментальный глагол выступает здесь в своем исходном значении, а значение высокой степени выражает восклицательная клауза.

Интересующий нас процесс «семантической деградации» (превращения полнозначного слова в полуслужебное) происходит в зоне 2-го лица: поскольку говорящему недоступна информация из сознания адресата, ментальные предикаты 2-го лица претерпевают разнообразные семантические сдвиги (о поведении ментальных предикатов 2-го лица в парентетических конструкциях см., например, (Kustova 2018)).

Сдвиг значения глагола от «нормального» информационного (пропозициональной установки) к «экспрессивному» происходит в несколько этапов. Глагол может использоваться в своем обычном значении – в вопросе (так как вопрос – это прагматически оправданное использование формы 2-го лица): *Ты представляешь, где может лежать эта папка?; Ты не знаешь, где эта папка?*

Дальше идет постепенный переход к экспрессивной конструкции:
– императив:

Представь / вообрази, как я испугался!

– экспрессивный вопрос (не требующий ответа):

Ты представляешь, как я испугался!; Да ты знаешь, сколько мы времени потратили!

– отрицание:

Ты не представляешь, сколько я с ними бился!

Вы сами **не представляете, как** меня выручили! [И. Грекова. *Перелом* (1987)]

Ты **представить не можешь, какие** деньги они вбухали в эту дачу!

Да **ты не знаешь, как** я испугался!

Ты **не понимаешь, насколько** это опасно!

В принципе, при восклицательной зависимой клаузе глагол может сохранять исходную информационную семантику: *Ты не знаешь, как его били!; Ты не представляешь, сколько мы потратили!* – теоретически говорящий может иметь в виду, что адресат действительно не знает / не представляет Р, поскольку не наблюдал ситуацию Р лично. Но, с прагматической точки зрения, говорящему не известно, что адресат знает, понимает, может или не может себе представить, вообразить (не исключено, что адресат все-таки сможет представить себе Р, если постарается). Поэтому компонент *не знаешь / не представляешь* и т.д. используется риторически.

Есть также вариант конструкции с обобщенным лицом: *Ты подумай, как воруют!* – побуждение не столько к размышлению, сколько к удивлению; *Подумать только, как воруют!* – обобщенно-личное значение (относится к любому субъекту). Наконец, существуют многочисленные расширения этой конструкции за счет модальных и оценочных слов:

трудно представить, страшно представить, можете себе представить, невозможно представить и т.п.: **Страшно подумать, сколько** он потратил ('как много'); – Вы **не можете вообразить, какими** страшными орудиями разрушения обладает мистер Бэйли [А.Р. Беляев. *Продавец воздуха* (1929)].

Рамочная часть, включающая пропозициональный глагол, является избыточной и просто усиливает, как уже говорилось, значение степени, которое и так выражается местоимением.

Глагол уже не описывает ментальную операцию «представлять» / «воображать» / «думать» в собственном смысле, а предложение указывает на необычность ситуации Р и выражает эмоциональную реакцию на Р (восхищение, удивление, возмущение) самого говорящего. Форма 2-го лица, как это часто бывает (ср. (Kustova 2018) об апеллятивных парентетических конструкциях 2-го лица), используется как апеллятивная – для вовлечения адресата. Семантическая модель этого типа предложений: ‘степень признака Р так велика (ситуация Р настолько необычна), что это невозможно / трудно / страшно представить / вообразить / осознать / понять’. Эта конструкция имеет имплицативный характер. По такой же имплицативной схеме происходит, например, развитие степенного значения у некоторых прилагательных – *невообразимый грохот / холод* (‘такой сильный, что невозможно вообразить’), *немыслимый успех*. А потом эта импликация и выражающие ее лексические единицы начинают метонимически использоваться в качестве обозначения степени (‘очень большой’). Аналогично в глагольных экспрессивных конструкциях: рамочный компонент *Ты не представляешь* и под. начинает функционировать как обозначение высокой степени (‘очень’).

Второй кластер – невозможность выразить, передать степень Р – обычно реализуется в зоне говорящего: *Не могу передать / не могу выразить / нет слов, как он расстроен!* – или обобщенного лица: *Невозможно выразить / передать / описать словами, как он огорчился!* Здесь значение высокой степени также формируется на базе импликации: *Не могу выразить, как я рад* – ‘Я испытываю такое сильное чувство, что его невозможно выразить словами’.

Парадоксальным образом в кластер невозможности выражения (т.е. говорящего) попадает глагол *знать* – естественно, в форме 1-го лица: *Я не знаю, как мне все это надоело*. – скорее всего, здесь пропущено звено: ‘Не знаю, как выразить / передать, насколько мне все это надоело’.

Итак, восклицание – в данном случае косвенное восклицание – меняет семантическую структуру рамочного компонента: происходит «выветривание», опустошение исходной семантики, а конструкция превращается в грамматикализованную речевую формулу, передающую экспрессию. Но способность пропозициональных слов подчинять восклицательную клаузу (синтаксическая валентность) сохраняется, и эта клауза может быть выражена не только в экспрессивной, но и в имплицативной конструкции, хотя семантически такое выражение будет избыточным, ср.: *Я так устал, что не могу выразить, насколько я устал*.

3. Конструкции с оценочными словами

3.1. Группы рамочных компонентов

Здесь выделяются две основные группы: отрицательная оценка (ср. *Ужас!*) и положительная оценка (ср. *Прелесть!*), – к которым примыкают некоторые более мелкие группы. Данный класс конструкций назван оценочным по основным группам рамочных компонентов, однако, в действительности, с оценкой связаны только эти основные группы (*ужас, прелесть*), другие слова и фраземы (*не могу, сил нет*) не имеют оценочного значения даже в качестве исходного. Но нас в первую очередь интересуют свойства оценочных существительных в экспрессивных конструкциях. При этом в составе экспрессивных конструкций все рамочные компоненты, включая оценочные, обозначают высокую степень. Впрочем, в широком смысле степень – это тоже оценка: количественная.

Наиболее обширная группа – слова с исходным значением **отрицательной оценки**: *ужас, кошмар, страх, страсть, жуть, беда, смерть*:

Ужас как надоела мне эта уродина! [А. Азольский. *Лопушок* (1998)]

Ушёл к какой-то зануде, оставил двух детей, Маша и Миша, – **ужас** **какая** трагедия, я даже плакала [И. Грекова. *На испытаниях* (1967)]

Рядом со мной стоял мальчик, мне **страх как** хотелось с ним поговорить [И. Грекова. *В вагоне* (1983)]

Помню, ты щекотки **страсть как** боялась [В. Михальский. *Прощеное воскресенье* (2009)]

Спросить не решаюсь, а мне **смерть как** хочется знать [Л.К. Чуковская (1971)]
– Поешь арбуза-то, слышь? **Смерть какой** сладкий... [Валентина Осеева. *Динка* (1959)]

А в другом месте следы покрупнее – это уже лисонька за мышами охотилась. Там **беда сколько** этих лис! [Ю. Домбровский. *Рождение мыши* (1951–1956)]

Поскольку это разговорные конструкции, они могут употребляться в сокращенном виде – без местоимения:

– Я **страсть боюсь** жить в этом доме [Федор Абрамов. *Деревянные кони* (1969)]
Они **смерть не любят** возиться по ночам и непременно стараются дотянуть дело до утра [Д.А. Фурманов. *Мятеж* (1924)].

Слова с исходным значением отрицательной оценки обычно сочетаются с «отрицательными» ситуациями, но не исключены нейтральные (*смерть как хочется знать*) и даже положительные (*смерть какой сладкий*).

С точки зрения исходной семантики к этой группе должны были бы относиться наречия *страшно, ужасно*, однако, во-первых, в современном языке эти слова в значении высокой степени признака утратили связь

с отрицательной оценкой, а вместе с ней – ограничения на сочетаемость, т.е. могут относиться к положительным признакам и ситуациям (*страшно вкусный, ужасно красивый*), а во-вторых, конструкции типа *ужасно как устал* характерны для языка XIX в.

(Вы живете в провинции, в маленьком городке, где горизонты **ужасно как** суживаются [М.Е. Салтыков-Щедрин. *Благонамеренные речи* (1872–1876)]; – Ах, какой ты здесь храбрый, **ужасно какой храбрый!** [А.Ф. Писемский. *В водовороты* (1871)]),

а в литературе XX века, хотя изредка встречаются, звучат как устаревшие

(Барышня **страшно как его боялась** [А.В. Амфитеатров (1902)]; Муж у Пелагеи был человек **ужасно какой** занятой и на жену много времени тратить не мог [М.М. Зощенко. *Пелагея* (1920–1930)]; Белого носорога везти нам не дали. И я **ужасно как** расстроился [Виктор Конецкий. *Начало конца комедии* (1978)]).

К словам со значением **положительной оценки** относятся *прелесть, чудо, загляденье, красота, блеск, супер*, фразеологизмы типа *грех жаловаться*:

Однако за закуску спасибо. **Прелесть как** вкусно! [Андрей Белозеров. *Чайка* (2001)]

Прелесть какая материя [В. Ф. Панова. *Кружилиха* (1947)] ('очень хорошая')

Играл он **чудо как** хорошо [Юрий Буйда. *Живем всего два раза* (1998)]

Чудо какой заботливый [И. Грекова. *Перелом* (1987)]

Девочки твои – **загляденье, как** хороши: [Наши дети: *Подростки* (2004)]

Просто **блеск как** отделили Маню-большую — та как «рабочий класс» получала сорок пять рублей, а потом пошли причитания, слезы, и ее сморило [Федор Абрамов. *Алька* (1971)]

Вместе тренироваться — **супер как** полезно: у ребят же и скорость выше, и техничнее они [Советский спорт, 2008.09.17]

У меня тоже экзамен... завтра... а мне **супер как** не хочется... [Разговор ульяновских студенток о подготовке к экзаменам // Из коллекции Ульяновского университета, 2007].

Эти слова сочетаются, в основном, с положительно оцениваемыми ситуациями и объектами, т.е. не говорят **чудо как болит*; **прелесть, какая рана*; при этом есть примеры типа *супер как не хочется* (которые, впрочем, звучат довольно странно). К группе положительных оценок примыкает сленговая лексика типа *улет, отпад*, которая может выражать как положительную оценку, так и необычность ситуации (*Просто отпад какие фотки!*).

Выделяются также две нейтральные с точки зрения оценки группы. Во-первых, это глаголы и глагольные выражения *умереть (можно) / убиться (можно) / умереть не встать*, а также модальные выражения *сил нет, не могу, невозможно*:

Умереть – какой мужик! Может, я спою ему? [М.М. Рошин. *Галоши счастья* (1977–1979)]

Коршунову **сил нет как захотелось** уйти [Галина Щербакова (2000)]

Невозможно как замерз / проголодался!

Невозможно какой хорошенький!

Во-вторых, есть нейтральная группа «удивление», когда ситуация выпадает из ряда обычных, привычных, рядовых – но не обязательно вызывает явное одобрение или осуждение. Здесь используются наречия *удивительно, поразительно, потрясающе*, существительное *фантастика*:

Лошади были **удивительно как вычищены** [Н.В. Гоголь. *Мертвые души* (1842)];
Замкнутость и общие невзгоды **удивительно как сближали** людей [М.Е. Салтыков-Щедрин (1875)].

В группу слов со значением удивления входит также междометие *надо же* (о семантической и грамматической эволюции *надо же* см. (Sharonov 2019)), производное от предикатива *надо (же)*:

Надо же, как вам повезло / как время быстро прошло / как все просто / как неудачно вышло / как меняются люди / **какое** великодушие!

Наконец, восклицательные клаузы могут сочетаться с собственно междометиями:

Она его очень боялась, **ах, как** боялась! [А.П. Чехов. *На святках* (1900)]; Волки огня **ух как** бояться! [Б.С. Житков. *Что я видел* (1937)].

В принципе, к числу эмоциональных реакций относится также *смех*, однако таких примеров с относительно-восклицательными местоимениями в интересующей нас конструкции в НКРЯ не встретилось (есть примеры с указательными местоимениями, см. ниже).

Мы не претендуем на исчерпывающую полноту приведенных списков, но они дают достаточное представление о составе групп рамочных компонентов.

3.2. Семантико-синтаксические свойства слов оценочной группы

В экспрессивной конструкции оценочные слова, как уже говорилось, употребляются в значении высокой степени ('очень'). Вообще, оценка и степень очень тесно связаны между собой. Значения оценки и степени – это естественные фазы семантического развития качественных слов (Kustova 2011). Уже у обозначений физических признаков оценка может быть добавочным компонентом: *мягкий* и *легкий* – это признаки положительного полюса, а *тяжелый* и *жесткий* – отрицательного. Затем, на стадии метафоры, эти признаки приобретают значение собственно оценки (*тяжелый характер* – 'плохой', *мягкий характер* – 'хороший') или значение собственно степени (*тяжелая болезнь* – 'очень', *легкое недомогание* – 'слабое').

Прототипические оценочные слова – это прилагательные, наречия и связанные с ними предикативы типа *хорошо*, *прекрасно*, *плохо*, *ужасно*, а также существительные типа *красота*, *ужас*, *дрянь*, *гадость*. Собственно оценочные слова также регулярно переходят в группу интенсификаторов, т.е. показателей степени, ср. *хорошая зарплата* ('большая'), *ужасная жара* ('сильная'), – особенно если они уже содержат в своей семантике смысл 'очень' (*ужасный день* – 'очень плохой').

Если проследить семантическую эволюцию оценочных экспрессивов, то обнаружится, что они обычно имеют оценочный компонент уже в исходном значении, и на базе этого компонента возникает значение оценки, а затем – степени, ср.:

ужас – эмоция: *Он испытал ужас* → оценка: *Что творится – ужас* → степень: *Как я замерз – ужас / Ужас как замерз; беда* – событие: *С ним случилась беда* → собственно оценка: *Бывает, первоклассник уже бойко читает, а в тетради такие каракули – просто беда!* [«Здоровье», 1999.03.15] → степень: *Сколько пакостей понаделал в уезде – просто беда!* [К.М. Станюкович. *В далекие края* (1886)]; – *Беда, как любит бушевать! От этого и охрип* [Ф.В. Гладков. *Повесть о детстве* (1948)]; *Игрушки кричали, часы грозили – просто беда, какого страха натерпелась!* [Игрушки и их враги [из журнала «Задуманное слово»] (1900–1917)].

У слов типа *смерть*, *умереть*, *убиться* можно усматривать значение отрицательной оценки на уровне коннотации (или импликации), однако значение высокой степени, которое они имеют в экспрессивных конструкциях, не обязательно развивается на базе отрицательной оценки, а может быть связано с идеей предельности, которая совместима с разными ситуациями – как отрицательными, так и нейтральными, ср.: *смертельно испугался*, *смертельно влюбился*, *смертельно захотелось*.

У слов *чудо*, *загляденье*, *красота*, *блеск*, *супер* значение положительной оценки тоже является производным от какого-то другого (или происходит сдвиг от эстетической оценки к универсальной, как в случае *красота*, *загляденье*); у *прелесть* значение оценки в современном языке можно считать исходным. На базе оценки образуется значение высокой степени. При этом «внутренняя форма», т.е. связь с исходным значением, у них может сохраняться, из-за чего, например, слова положительной оценки типа *прелесть* неохотно сочетаются с отрицательными ситуациями.

Оценки (в широком смысле, включая степень) похожи на пропозициональные установки в том смысле, что они тоже относятся к ситуации, прилагаются к ней извне (они могут относиться и к предмету, ср. *Чудо какие пионы!*, но в конечном счете за такими оценками скрываются особого рода ситуации, ср. ‘Мне очень нравятся эти пионы’). При этом оценка характеризует скорее человека, его отношение к ситуации, реакцию на нее – и часто совмещается с эмоцией, как в случае экспрессивов. Оценки-экспрессивы, особенно выражаемые существительными, могут употребляться изолированно, если ситуация Р находится в поле зрения или введена в рассмотрение:

Вид необыкновенный! **Красота!** Душа радуется [А.Н. Островский. *Гроза* (1860)]; Вышло совсем недорого и очень нарядно. **Прелесть!** [Леонид Юзефович. *Князь ветра* (2001)]; Неужели купить новую деталь стоит миллион долларов? **Ужас!** [Форум (2011–2013)].

И это имеет серьезные последствия для синтаксиса, а именно: оценке часто вообще не нужен никакой синтаксис, и в этом отношении оценки похожи на междометия. С другой стороны, оценочные слова, например предикативы, могут иметь пропозициональные валентности, выражаемые подчиненной клаузой: *Хорошо, что у тебя много друзей*. В этом смысле оценки противоречивы, их развитие идет по двум противоположным векторам – в сторону экспрессивной лексики, в пределе – междометий, и в сторону пропозициональной лексики. Это отражается и на синтаксическом уровне – в разных синтаксических конструкциях оценочных слов.

У многих экспрессивов экспрессивные конструкции образуют целую парадигму вариантов. Наиболее естественной является постпозиция – своего рода предикатив, выражающий эмоциональную оценку в сочетании со степенью или просто высокую степень:

Сколько / столько народу набежало – ужас!

Как я устала – кошмар!

Ах, какой интересный, просто чудо! [И. И. Панаев. *Опыт о хлыщах* (1854–1857)]

Какая хорошенькая – прелесть / супер!

Какая у него тачка – умереть не встать!
А смешной какой – не могу просто / умереть можно!

Обычно в этих конструкциях используются восклицательные местоимения *как, какой, сколько, насколько* в значении высокой степени, но могут использоваться и указательные местоимения: *Я так устала – кошмар!*; *Такая хорошенькая – супер!*; существуют также сокращенные варианты без местоимений:

Народу набежало – ужас!
Смешной – умереть можно!
Надоело всё – сил нет!
Есть хочу – не могу, – говорит один парень, поглаживая живот [Комсомольская правда, 2008].

Правда, в отсутствие местоимений экспрессив может «восстановить» оценочное значение: *Копточка – прелесть!*; *Тачка у него – умереть не встать* (но это, как всегда, не просто оценка, а оценка + степень: ‘очень хорошая’).

Наиболее распространенным случаем в НКРЯ является другая конструкция, когда восклицательная клауза стоит после рамочного показателя высокой степени; такая конструкция внешне похожа на сложное предложение с подчиненной клаузой в примерах типа *Ты не представляешь, как я устал!*, поэтому мы будем называть эту конструкцию **псевдоподчинительной**: *Ужас как он нам надоел*; *Прелесть какой вкусный!*.

Кроме псевдоподчинительной конструкции у экспрессивов есть конструкция с другим порядком компонентов, которую можно назвать **инвертированной**:

Зверя было «балго», и набили на льдине **тюленей – беда сколько** [Б.С. Житков. *Николай Исаич Пушкин* (1929)]

Пить хочется **ужас как** [Ксения Букша. *Завод «Свобода»* (2013)]

– Голод был на Волге в двадцать первом **ужас какой**... [Булат Окуджава. *Новенький как с иголки* (1962)]

А пионы просто **прелесть какие** [«Огонек». № 11, 1959];

Сынишка у меня **прелесть какой**. Все уже болтает и носится как ураган [Н.Н. Семенов. *Из переписки с П.Л. Капицей* (1927)].

Таких примеров относительно немного, но они есть. Инвертированная конструкция, в свою очередь, похожа на слусинг (или амальгаму), ср. (Abels 2018), (Chung, Ladusaw, McCloskey 1995), (Lakoff 1974), (Lasnik 2014), (Merchant 2001), (Ross 1969), (Stjepanović 2008), (Testelefs, Bylinina 2005). Слусинг – это элидирование подчиненной клаузы (придаточного предложения) за исключением относительного местоимения:

She was talking with someone, but I don't know **who** (Ionova 2019: 147);

Я куда-то положил ключи, но не помню **куда**; Нужно срочно договориться с кем-нибудь о поставках оборудования, все равно **с кем**.

Эллипсис данного типа связан с повтором фрагмента содержания левого контекста в подчиненной клаузе, вследствие чего часть этой клаузы можно элидировать: **Я куда-то положил ключи, но не помню, куда я положил ключи** → *не помню куда*). При этом слово с пропозициональной валентностью сохраняется. А инвертированная восклицательная конструкция – результат перестановки в исходном предложении: **Ужас как пить хочется** – *Пить хочется ужас как*. Таким образом, инвертированная конструкция – не слусинг (в глагольных конструкциях типа (а) тоже встречается инверсия, аналогичная слусингу: *Мне все это надоело не знаю как*; *Она их ненавидит не знаю как* [Асар Эппель. *Леонидова победа* (1990–2000)], – но мы не можем на этом подробно останавливаться; сошлемся лишь на работу (Iomdin 2010), где показано, что в русском языке подобные явления не сводимы к слусингу).

Однако нас в связи с псевдоподчинительными конструкциями интересует другой вопрос: является ли восклицательная клауза в примерах **Ужас как я испугался** подчиненной, т.е. имеют ли слова *ужас, прелесть, чудо* и под. в экспрессивных конструкциях синтаксическую пропозициональную валентность, какую имеют матричные предикаты в конструкциях типа *Ужасно, что мы ничего о нем не знаем* или *Ты не представляешь, как я испугался*.

Оценочные слова, как уже говорилось, могут продвигаться в противоположные стороны – в зону рациональной оценки (**Ужас в том, что у нас нет квалифицированных рабочих**) или в зону эмоциональной оценки и / или степени (*Нам нужны квалифицированные рабочие, которых ужас как не хватает* [«Знание-сила», 2013]).

Продвижение слов с оценочным и / или эмоциональным компонентом в ментальную зону, – т.е. в зону рациональных оценок и пропозициональных установок, – распространенный процесс, ср., например, (Zalizniak 2006). В нем участвует, например, глагольная лексика: *Боюсь собаку* – эмоция → *Боюсь, что он не придет* – ментальный предикат с пропозициональной валентностью Р (где Р = вероятная нежелательная ситуация). Пропозициональная валентность, синтаксически выражаемая подчиненной клаузой, есть и у оценочных предикативов: *Хорошо / прекрасно / здорово / плохо / ужасно, что он уехал*. Это результат «втягивания», смещения этих слов в ментальную зону. Здесь выражается особая – рациональная – оценка и отсутствует экспрессия (при нейтральной интонации).

При этом оценочные предикативы с подчиненной клаузой отличаются от прототипических пропозициональных предикатов – в частности, от ментальных глаголов. Например, они допускают союзы *когда* и *если*: *Хорошо, когда / если много друзей*; ср. также: *Отсутствие достаточного количества современной техники – еще не беда. Беда, если нет новых мыслей* [«Солдат удачи», 2004.09.08], – в отличие от нормальных ментальных глаголов (так же ведет себя эмоциональная лексика, в состав которой тоже входит оценочный компонент: *Радуется, когда / если приходят друзья*). Еще одно важное отличие оценок от прототипических пропозициональных установок: оценочные слова допускают только союзное присоединение придаточных, но не местоименное, т.е. они не присоединяют ни косвенно-вопросительных, ни косвенно-восклицательных клауз:

*Хорошо, ЧТО с тобой случилось; *Хорошо, куда тебя направили; *Плохо, как он сдал экзамен; *Хорошо, какой сегодня день; *Прекрасно, какое у него здоровье; *Плохо, как он учится – ср.: Плохо, что у него одни двойки (с союзом).

Относительно-восклицательные местоимения запрещены в таких конструкциях, видимо, потому, что оценочный предикатив уже выражает оценку. При этом глаголы в экспрессивных конструкциях (а) сочетаются с косвенным восклицанием, – но глаголы не выражают оценку, а обозначают невозможность выразить оценку: *Ты не представляешь / я не могу тебе передать, как он плохо учится*.

Предикативы с исходно эмоциональным значением (*Мне страшно*), переходя в зону оценок, тоже подчиняют только союзные придаточные: *Страшно / ужасно, что пострадали люди* = ‘плохо’.

Интересующие нас существительные группы отрицательных оценок *страх* и *ужас* (*страсть* выступает как синоним *страха* – *страсти* *какие*) имеют исходное значение эмоций. Эти существительные с трудом втягиваются в зону пропозициональных установок: пропозициональная валентность не просто выражается у них только союзным придаточным, но при этом требуется еще и указательное слово при существительном: *Ужас в том, что он не приехал*, но: *Ужас, что он не приехал*; аналогично со словом *беда*, которое в качестве рациональной оценки тоже присоединяет только союзные клаузы, обычно – с указательным местоимением при существительном:

В том-то и беда, что со временем у человечества сильно уменьшился выбор [«Криминальная хроника», 2003.06.24]; **Беда в том, что** я сопоставляю факты с опозданием [Юрий Трифонов. *Предварительные итоги* (1970)]

(иногда встречаются конструкции без местоимения, но с отрицанием: *И не беда, что на улице уже далеко за полночь* [«Вечерняя Москва», 2002.02.07],

и крайне редко – без местоимения при существительном: *Конечно, беда, что Сахаров немного не дожил* [«Знание – сила», 2010]). При этом никогда не встречается относительное подчинение: **Беда (в том), какая у него температура*. Важно подчеркнуть, что это уже не эмоция, а такая же рациональная оценка, как в случае *Плохо, что у него высокая температура*.

При смещении в экспрессивную зону оценочные существительные прилегают к восклицательной клаузе (*Ужас как он учится, одни двойки!*), и внешне – еще раз подчеркнем, только внешне – такая конструкция выглядит как сложное предложение с зависимой восклицательной клаузой (косвенное восклицание). Это впечатление усиливается тем, что не только в интернет-блогах и комментариях, но и в художественной литературе в такой конструкции иногда ставится запятая перед восклицательным местоимением (как в сложном предложении с косвенным восклицанием), ср.: *Прямо сил нет, как спать хочется* [Виктор Мясников (2000)] – хотя по правилам русской пунктуации запятая перед восклицательным местоимением ставиться не должна.

Однако такие предложения не являются сложными (а восклицательная клауза – подчиненной). Существует целый ряд синтаксических свидетельств того, что оценочные слова в данной конструкции не имеют подчиненной клаузы:

- оценочные слова не присоединяют относительных клауз – только союзные (см. выше);
- употребление восклицательного местоимения в конструкции не обязательно, ср.: *страх боюсь* (= ‘очень боюсь’); *страх не любит давать деньги в долг* (= ‘очень не любит’);
- наряду с оценочными в экспрессивной конструкции употребляются модальные слова и выражения типа *умереть, умереть не встать, не могу, сил нет*, у которых точно нет и никогда не было пропозициональной валентности, которая выражается зависимой клаузой:

Умереть сколько он принес; Умереть какая у него тачка; Умираю как есть хочу (варианты: *есть хочу – умираю; умираю есть хочу*); *Просто не могу как устал*.

Эти слова либо вообще не имеют валентности на предикат (*умереть*), либо подчиняют инфинитив: *не могу молчать, сил нет пошевелиться*. Аналогично с фраземой *надо же*, которая в качестве предикатива тоже подчиняет инфинитив: *Надо же было ему опоздать на поезд*;

- и, разумеется, не имеют пропозициональной валентности и не могут выступать в качестве матричного предиката собственно междометия: *Ах, как мы испугались!*

Итак, структура *...как он плохо учится*, которая является подчиненной клаузой (придаточным предложением) в конструкциях (а) *Ты не*

представляешь, **как он плохо учится!**, – не является подчиненной клаузой в конструкциях (б) *Ужас как он плохо учится*.

Как образовались конструкции с экспрессивами типа (б)? Какова логика и каков языковой механизм их возникновения? На наш взгляд, это результат переноса экспрессива, который в исходной конструкции является имплицативным компонентом, из постпозиции: *Как я устал – ужас* – в препозицию: *Ужас как я устал*.

Как уже говорилось, при изолированном употреблении оценочного экспрессива, которое мы считаем основным, в конструкции могут употребляться как относительно-восклицательные местоимения: *Как я устал – просто ужас*, так и указательные, ср.:

Столько народу набежало – **ужас!**; У меня сразу в голове **такой** план созрел – **отпад!** [Ирина Краева. *Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»* (2007)]; Он **так** устает – просто беда.

При этом экспрессивы – *ужас, кошмар, отпад, беда* и т.д. – это реакция на ситуацию Р, обозначение возбужденного состояния, которое является **результатом, следствием** того, что произошла ситуация Р. Т.е. перед нами типичные для русского языка имплицативно-степенные конструкции, которые в полном виде представляют собой сложное предложение со значением степени (в главной клаузе) и следствия (в подчиненной), которые могут подвергаться различным преобразованиям:

Я **так** устал, **что просто ужас** → Просто ужас как я устал

Альбом распродался **так** хорошо, **что мы удивились** → Альбом распродался чудо как хорошо (чудо ≈ 'удивились, удивительно')

Степан выполз чуть вперед и **с таким** важным видом рассматривает ее, **что просто смех** [И. Ф. Стаднюк. *Максим Перепелица* (1956)] → ...просто смех с каким важным видом...

На этих примерах видно, что экспрессивная конструкция (б) – это экспрессивный порядок слов, а не придаточное при экспрессиве. При этом при изменении порядка компонентов указательное местоимение заменяется на вопросительное, – возможно, именно по аналогии с придаточными в конструкциях типа (а) *Ты не представляешь, как я устал*. Интересно, что значение высокой степени у глаголов в конструкции (а) формируется в рамках этой же когнитивной схемы – импликации (см. выше), хотя у глаголов есть настоящее придаточное, унаследованное от их исходного употребления в качестве матричного предиката.

Таким образом, эмоционально-оценочные слова в экспрессивных конструкциях (б) утрачивают синтаксическую валентность на подчиненную

клаузу, которую они имели в зоне рациональных оценок (*Ужас в том, что...*). При этом их семантическая валентность на ситуацию, вообще говоря, тоже подвергается эрозии в результате семантических изменений (редукции): оценочный компонент ('хорошо / плохо') из основного превращается во вспомогательный, дополнительный (*прелесть какой хорошенький*) или полностью вытесняется смыслом 'очень' (*ужасно какой благородный; ужасно как рад*); и оценочные слова смещаются в зону интенсификаторов (показателей высокой степени), а затем и междометий. Пропозициональные слова с исходным ментальным или речевым значением в экспрессивных конструкциях (а), хотя и сохраняют подчиненную клаузу (пропозициональную валентность), но постепенно меняют свои исходные семантико-синтаксические свойства пропозициональных установок и тоже сдвигаются в зону интенсификаторов – рамочный компонент экспрессивной конструкции косвенно выражает смысл 'очень':

Ты не представляешь / Ты не знаешь / Ты не можешь вообразить, сколько мы пережили!; Я не могу выразить / передать, как я рад!

– и легко перемещается в постпозицию: *Как я испугался – ты не представляешь!*

Таким образом, оба рамочных компонента восклицательных конструкций – и пропозициональные слова, и оценочные слова – участвуют в одном и том же процессе редукции, «понижения» статуса, т.е. смещения в зону служебных, незначительных слов (редуцируются не только их исходные значения, но и их грамматические признаки), – но находятся на разных стадиях этого процесса. Конечная точка эволюции экспрессивов – междометия, ср. *Ах, как я испугался!*, т.е. непосредственные выражения эмоциональной реакции, стоящие за пределами грамматических классов и синтаксических конструкций.

Библиография

- Abels, K. (2018). *Movement and Islands*. The Oxford Handbook of Ellipsis, 16, 1–43.
- Chung, S., Ladusaw, W., McCloskey, J. (1995). Sluicing and Logical Form, *Natural Language Semantics* 3, 239–282.
- Iomdin, L.L. (2010). Gipoteza o dvux sintaksičeskix načalax. W: Apresjan, Ju.D., Boguslavskij, I.M., Iomdin, L.L., Sannikov, V.Z. *Teoretičeskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* (129–141). Moskva: Jazyki slavjanskix kul'tur.
- Ionova, A. (2019). *The unbearable lightness of clitics*. Amsterdam.

- Kustova, G.I. (2011). Slova so značením vysokoj stepeni: semantičeskie modeli i semantičeskie mexanizmy (MAGN'y-prilagatel'nye). W: *Slovo i jazyk*. Sb. statej v čest' 80-letija akad. Ju.D. Apresjana (256–268). Moskva.
- Kustova, G.I. (2018). Mental predicates in metatext. W: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Papers from the Annual International Conference «Dialogue» (2018). Issue 17 (24), 319–331. Moscow.
- Lakoff, G. (1974). Syntactic amalgams, *Chicago Linguistic Society* 10, 321–44.
- Lasnik, H. (2014). Multiple sluicing in English?, *Syntax* 17, 1, 1–20.
- Merchant, J. (2001). *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis*. Oxford: Oxford University Press.
- Moutaouakil, A. (2005). Exclamation: sentence type, illocution or modality? W: de Groot, C., Hengeveld, K. (eds). *Morphosyntactic expression in functional grammar* (351–379). Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
- Portner, P., Zanuttini, R. (2003). Exclamative clauses: at the syntax-semantics interface, *Language*, 79 (1), 39–81.
- Rett, J. (2011). Exclamatives, degrees and speech acts, *Linguistics and philosophy* 34 (5), 411–442.
- Ross, John R. (1969). Guess who? W: Binnick R., Davison, A., Green, G., Morgan, J. (eds.). *Proceedings of Chicago Linguistic Society* 5, 252–286.
- Šaronov, I.A. (2019). VOT VED' i NADO ŽE! Put' ot konstrukcii ko vtoričnomu meždometiju, “Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Grammatičeskie processy i sistemy v sinxronii. Pamjati Andreja Anatoleviča Zaliznjaka”, No 4, 325–333.
- Stjepanović, S. (2008). P-stranding under Sluicing in a Non-P-Stranding Language?, *Linguistic Inquiry*, 39(1), 179–190.
- Testelefs, Y., Bylinina, E. (2005). Sluicing-Based Indefinites in Russian. W: *Formal Approaches to Slavic Linguistics* 13: The South Carolina Meeting. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 355–264.
- Zaliznjak, A.A. (2006). Semantika predikatov vnutrennego sostojanija. W: Zaliznjak, A.A. *Mnogoznačnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija* (421–587). Moskva: Jazyki slavjanskix kul'tur.

ABSTRAKT: В статье рассматриваются два типа экспрессивных (эксclamативных) конструкций: (а) пропозициональные конструкции: *Ты не представляешь, как я испугался!*; (б) оценочные конструкции: *Ужас как я испугался!*. Обе конструкции включают эксclamативную (экспрессивную) клаузу (*как я испугался*) и рамочный компонент: (а) *Ты не представляешь / Ты не знаешь* и др., (б) *ужас, беда, прелесть, чудо, не могу, сил нет* и др.

В конструкции (а) ментальный глагол имеет синтаксическую пропозициональную валентность, которая заполняется подчиненной клаузой. В конструкции (б)

аналогичная клауза не является подчиненной, рамочный компонент (*uzhas* ‘horror’, *beda* ‘trouble’, *prelest* ‘lovely’, *chudo* ‘miracle’) не имеет синтаксической пропозициональной валентности.

Аргументы: – оценочные слова присоединяют клаузы с союзами, но не с относительными местоимениями: *Ужас в том, что он плохо учится* vs. **Ужас в том, как он плохо учится*; – другие рамочные компоненты оценочной конструкции (*не могу, сил нет*, междометия *ах, ух*) вообще не имеют пропозициональной валентности в форме подчиненной клаузы.

Конструкция (б) образовалась в результате передвижения оценочного компонента из постпозиции в препозицию: *Как я испугался – ужас!* → *Ужас как я испугался!* Конечная фаза эволюции рамочных компонентов в экспрессивных конструкциях – междометие.

KONSTRUKCJE EKSPRESYWNE I WALENCJA RZECZOWNIKÓW OCENIAJĄCYCH

ABSTRAKT: W artykule analizowane są dwa typy konstrukcji ekspresywnych (wykrzyknikowych): (a) konstrukcje propozycyjne: *Ты не представляешь, как я испугался!* ‘Nie możesz sobie tego wyobrazić, jak bardzo się boję!’ (b) konstrukcje oceniające: *Ужас как я испугался!* ‘To horror, tak bardzo się bałem!’.

Obie konstrukcje zawierają klauzulę wykrzyknikową (ekspresyjną) (*как я испугался* ‘tak bardzo się bałem’) i komponent ramowy: (a) *Ты не представляешь / Ты не знаешь* ‘Nie możesz sobie wyobrazić / Nie wiesz’, itp., (b) *ужас* ‘horror’, *беда* ‘nieszczęścia’, *прелесть* ‘urok’, *чудо* ‘cud’, *не могу* ‘nie mogę’, *сил нет* ‘nie mam siły’, itp.

W konstrukcji (a) czasownik mentalny ma składniową walencję propozycyjną, która jest realizowana przez zdanie podrzędne. W konstrukcji (b) podobna klauzula nie jest podrzędna, składnik ramowy (*ужас* „horror”, *беда* „kłopoty”, *прелесть* „piękny”, *чудо* „cud”) nie ma walencji propozycyjnej. Konstrukcja (b) powstała w wyniku przesunięcia składnika oceniającego od pozycji końcowej do początku zdania: *Как я испугался ужас!* → *Ужас как я испугался.* ‘To horror, tak bardzo się bałem!’ Faза końcowa ewolucji elementów ramy w konstrukcjach ekspresywnych to wykrzyknik.